

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ
ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
1804—1833

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2004

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Федеральная программа книгоиздания России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16145

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Вётшева, Э. М. Жиликова, Ф. З. Канунова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804—1833 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.

ISBN 5-94457-150-0

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В 13 и 14-м томах собрана дневниковая проза Жуковского, включающая три взаимосвязанных раздела: собственно дневники, письма-дневники и записные книжки. 13-й том содержит дневниковые материалы 1804—1833 гг., от первых дошедших до нас размышлений юного поэта, ориентированных на тип «франклинова журнала», записной книжки «Разные замечания», писем-дневников, обращенных к Маше Протасовой, материалов первого заграничного путешествия 1820—1821 гг. до описания второго заграничного путешествия 1832—1833 гг.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-150-0

9 785944 571502 >

© О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич.
Редакция тома 13, 2003

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

**ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ**

1804—1833

ГОДОВ

А. и Б.¹

30-е июля. А. Нынешний день я провел весьма неприятно. Был недоволен собою, беспокоен, лишен бодрости.

Б. Отчего?

А. Не знаю, однако должна быть причина.

Б. Разумеется! Если не видимая, то по крайней мере скрытая. Может быть, опытный глаз мог бы открыть ее и подать тебе помощь; но ты этого сделать не можешь, потому что не привык к размышлению. Расскажи мне порядок своего дня; может быть, сколько-нибудь объяснится причина твоего неудовольствия на самого себя.

А. Я встал позже обыкновенного, в исходе седьмого (нарушение порядка — первое впечатление, и конечно неприятное, при самом начале дня; однако, мне кажется, оно не имело заметного впечатления на мое расположение). До десяти часов я пробыл с моими, пил кофе, говорил о постороннем, неинтересном; А.² просила меня, во время ее отсутствия, брать с почты письма на ее имя от В... М...³ Я отказался, опасаясь возбудить подозрение самым старанием не возбудить его. Это однако ж имело больше неприятное на меня влияние: мне было несколько тяжело не сделать удовольствия, хотя А. сама согласилась на мои причины. Я не переводил, как обыкновенно; читал Сен-Ламберта⁴; голова моя была несколько тяжела, я многое понимал с трудом, другого не понимал совсем; был невнимателен и досадовал на самого себя за это невнимание, почитал себя не способным ни к какому вниманию, и чтение мое от этого становилось час от часу неприятнее. Потом сделал свой экстракт⁵. Во время чтения завтракал; не знаю, не переменило ли это несколько моего расположения; говорят, будто голова не так может действовать во время пищеварения... После обеда тотчас взялся за книгу, не читал, а перебирал листы в Сен-Ламберте, в Томпсоне⁶, в Геснере⁷, в ГERVее⁸, в Блумфильде⁹; потом, отбросив эти книги, взял в руки Делиев перевод «Энеиды»¹⁰, прочел шестую песнь, без внимания, без приятности. Пришла матушка¹¹, говорила о строении¹², делала расчеты не весьма нужные и давно ею сделанные. Во время чтения я имел глупость обременить свой желудок недоспелыми яблоками, потом дынею, что произвело резь в животе. Немного спустя, постучав несколько времени машинально на фортепианах, я сел переводить; перевел три страницы из Дюкло¹³, и не совсем дурно. Кончив перевод, пошел гулять уже с другим приятнейшим расположением; вечер сумрачный, однако не ненастный, приятно на меня действовал, голова моя была несколько свежее и способнее к размышлениям.

Б. И ты не видишь причины своего неудовольствия на самого себя? Она однако ж не совсем закрыта. Ты встал не в обыкновенное время. Ты говорил

в то время, когда был с *своими*, о постор(онних) неинтер(есных) вещах. Это, конечно, мало значит, но душа, будучи часто в таких недейтельных состояниях, в каком твоя была в это время, нечувствительно от них грубеет. Мне кажется, можно бы было из всякой минуты выводить пользу, и ты мог находить больше приятности в сих разговорах, если бы захотел принудить себя ко вниманию и деятельности; но ты ленив и многое упускаешь от не-
радения.

А. Как же приучить себя к деятельности? Как сделаться неленивым?

Б. Об этом будем иметь особенный разговор. Кончим рассматривание дня твоего. Отказ, сделанный тобою *А.*, хотя имеет основ(ательные) причины, однако оставил нечто неприятное в твоих мыслях. Ты сперва было согласился, но после отказал, не сделав никакого предварительного рассуждения. Ты не умеешь еще рассуждать, не наблюдаешь постепенность в своих мыслях, не знаешь выводить порядочные заключения. Привычка этому научит, но должно хватать время, или опоздаешь. Нынешний твой отказ не есть следствие рассуждения. Ты сперва решился и потом начал думать, для чего: итак не можешь назвать своего поступка благоразумным, потому что он не есть следствие благоразумия. Отчего ты читал без приятности? От невнимания и от напряжения понять читаемое, не обратив на него всего внимания. Сия неудача тебя огорчала, ты почитал себя непонятым совершенно, и ошибался; ты был только в эту минуту непонятен, потому что не имел внимания и не был расположен ко вниманию: следственно, все неприятные чувства твои произошли от неудачи. Итак, чтоб быть веселым, надобно заниматься, но, чтобы занятие было удачно, должно, чтобы оно было непринужденно; для этого надобно каждое занятие согласовать со временем и расположением, не давая однако ж себе слишком воли. Например, лень надобно превозмогать. Лень сама по себе тяжела и неприятна; желал бы ничего не делать, но мысль, что пренебрегаешь свою должность, мучит тебя; то ли дело, когда получишь право сказать самому себе: теперь могу успокоиться.

А. Итак, мне надобно знать, что в какое время и в каком положении делать. Если я несколько рассеян — читать книги, просто занимательные, романы, мелких поэтов и тому подобное, или рисовать, или заниматься какою-нибудь машинальною работою; а в хорошем расположении приняться за что-нибудь важнейшее. Лучше всего каждое утро, рассмотрев себя, положить, что делать в тот день, чтобы не потерять его. Надобно наблюдать однако ж, чтобы обыкновенная работа была всегда сделана, от этого зависит расположение приятное или неприятное остатка дня. Всегда надобно помнить, что я занимаюсь для пользы и для приятности, а не поневоле.

Б. Твое принужденное чтение имело неприятное влияние на весь почти остаток дня. В этом положении ты хотел разбирать себя и видел в себе всё с дурной стороны, не замечая, что в эту минуту глаз твой был неверен. Надобно быть совершенно хладнокровным, чтобы судить о чем-нибудь без предубеждения в дурную или хорошую сторону. Суждение твое о самом себе

в такие мрачные минуты не должно быть для тебя огорчительным: ты не можешь себе верить, ибо ты несправедлив или неспособен быть справедливым. Когда будешь спокоен, беззаботен и несколько приучишься мыслить, разбери себя; этот разбор необходим для предохранения твоего от многих ошибок в жизни. Но теперь не время, ибо ты еще ленив мыслить и не знаешь методы размышления.

А. Как же научить себя мыслить?

Б. Я думаю, чтением и старанием не упускать ни одного способного случая к размышлению. Ты должен победить для этого свою лень, которая мешает тебе и мыслить, и делать. Она, может быть, есть один из главных пороков твоего характера. Она не допустит тебя до дурного, но также и до хорошего, которое требует деятельности. Лень есть привычка души к бездействию. Как же ее уничтожить? Приучить душу действовать, как можно чаще, не откладывая. Приучаясь к одному, она отвыкнет от другого. Это будет великим шагом; сперва покажется трудным, мало-помалу облегчится; сперва будешь чувствовать одну неприятность, потом меньше, меньше, и, наконец, все неприятности исчезнут — останется деятельность. Только не теряй бодрости, и всё далее.

5-е августа. **А.** Может быть, в декабре поеду в Петербург с И. П. Тургеневым¹⁴. Это путешествие приятно, потому что оно доставит мне случай много видеть такого, о чем не имею еще идеи; может быть, узнаю несколько больше общество; не безделица видеть один из лучших театров, слышать прекрасных певиц и певцов, посещать кабинеты картин, статуй и прочее; одним словом, съездив в Петербург, запасусь, может быть, многими идеями для своего уединения.

Б. Но, чтобы с пользою съездить в Петербург, надобно быть для него готовым. Чтобы видеть с прямым удовольствием кабинеты скульптуры и живописи, надобно знать что-нибудь о том и о другом, надобно иметь понятие о российской истории, уметь судить о театре. Теперь ты ничего этого не имеешь. Как же себе поможешь?

А. Если не могу получить *всей* пользы, то по крайней мере получу одну *часть* ее: могу читать историю на месте, она больше впечатлется в моей памяти. Читая трактаты о живописи, скульптуре и драматическом искусстве, буду иметь случай поверять мысли, почерпнутые мною из книг, впечатлениями, которые буду иметь в кабинетах и театре. И этой выгоды довольно.

Б. Хорошо. Но что ты сделаешь, если представится тебе случай войти выгодно в службу?

А. Об этом надобно подумать хорошенько. Надобно решиться; сделать план своей жизни, план верный и постоянный.

Б. Спроси у самого себя, чего ты желаешь в жизни, чего будешь искать и что найти способен. Может быть, это всегдашнее беспокойство, которое тебя волнует, есть следствие твоей нерешимости: ты еще не знаешь, чего желать и к чему стремиться, идешь не по дороге, потому что еще не видишь дороги. Первое — что ты разумеешь под словом: служить?

А. Разумею действовать для пользы отечества и своей собственной, так чтобы последняя была не противна первой.

Б. Хорошо; но степени пользы, которую можешь делать служа, не одинаковы. Ты должен быть долго орудием, исполнителем чужой воли, чтобы получить наконец свою волю действовать. Есть места такие, в которых ты можешь совсем не действовать или, что всё равно, действовать бесполезным образом. Сии места могут быть предметом твоих желаний разве только потому, что служат лестницею к высшим и полезнейшим; но, чтобы возвыситься, ты должен иметь покровителей или найти их, чего совсем не умеешь сделать: для сего нужны гибкость, проворство, ум, осторожность, прилежность, или необыкновенные, заметные достоинства. Все это не твое дело! К тому ж, если счастье тебе и послужит, то на что тебе важное достоинство? Ты возьмешь на себя такую обязанность, которой, конечно, не будешь уметь исполнить, не имея способностей публичного человека, способностей действовать на общество, быть полезным в большом круге своею деятельностью, своими обширными видами, способностию обнимать множество частных польз вместе и составлять из них общую пользу. Польза есть цель службы; кто не способен к ней достигнуть, тот не служи и выбери для себя круг теснейший, цель ближайшую и вернейшую. Служить для чина хорошо тому, кто видит в чине усовершенствование собственного бытия своего, кто без наружного величия мал и низок, кто должен быть чем-нибудь перед людьми, потому что ничто перед собою. Большой чин связан с большими обязанностями: ты не можешь исполнять их в совершенстве. Искать малого чина есть труд совершенно бесполезный. Служить для собственной выгоды есть отделять ее от общей, думать о корысти, а не о чести; к тому ж и для одной собственной выгоды надобно иметь чин важный, место такое, с которым бы соединялось великое влияние на общество.

ЖУРНАЛ

1805

13-го июня¹. § 1. Даже говоря правду, надобно быть несколько *скрытым*, то есть надобно правде, самой неприятной, давать такой образ, который бы не мог отвратить от нее *того человека, которому ее предлагаешь*. Иначе она несомненно потеряет свое действие и будет некоторым образом брошена на поругание. Говорить истину с *грубостию* и *жестокостию*, которыми хвалились стоики, есть некоторым образом непозволенное самохвальство, совершенно противное той пользе, которую принести хочешь, и доказывающее один только эгоизм, сокрытый под маскою правдолюбия. Сверх того, никто не позволит себя учить: это противно самолюбию, следовательно бесполезно, потому что недействительно. Учи людей таким тоном, как будто бы от них сам желаешь научиться. Заставь их самих сказать то, что бы желал сказать им. *Говорить правду другу другое дело*.

§ 2. Главная обязанность человека есть быть честным. Счастье, наслаждения, чувствительность, твердость характера и пр. и пр. зависят более от темперамента и обстоятельств; честность зависит от него самого.

§ 3. К началу генваря или марта 1806-го года я должен выплатить половину теперешнего своего долга и положить за правило более не делать долгу ни на полушку, не брать ни у кого денег, кроме тех, которые получу от Антонского для путешествия². Путешествовать 3 года, с половины 1806 до половины 1809-го года. Возвратясь, начать выдавать журнал; продолжать это издание четыре года, в которые выплатить весь свой долг. Потом приняться за какую-нибудь важную работу, такую, которая бы принесла пользу и сделала бы меня более известным в литературе. Если ж не поеду путешествовать, то к концу 1806-го года расквитаться со всем моим долгом; взять с начала 1807-го года издание журнала³; выдавать его четыре года, некоторую часть денег проживать, другую откладывать, а по окончании журнала, как сказано, приняться за что-нибудь важное и посвятить себя совершенно литературе. В продолжение четырех лет издания журнала могу скопить и отложить тысячи четыре (заплата и долг), которые с моим теперешним капиталом составят 11 тысяч; отдав их в Восп(итательный) дом, буду получать 500 рублей годового дохода, верного, чистого, к которому всякий год могу присоединять работою 500 рублей. Откладывая по тысяче на год, в десять лет могу иметь двадцатитысячный капитал, или верный доход по тысяче рублей на год.

Вот мой план; сбудется ли он, не знаю. С моей стороны я должен употребить для его исполнения прилежность, постоянное терпение, расчетливую бережливость и умеренность в образе жизни. Но в продолжение этого

времени может быть столько перемен! И каких перемен! Счастливых ли, несчастных ли? — как знать! Но я не требую слишком многого. Хочу спокойной, невинной жизни. Желаю не нуждаться. Желаю, чтобы я и матушка были не несчастны, имели всё нужное. Хочу иметь некоторые удовольствия, возможные всякому человеку, бедному и богатому, удовольствия от занятий, от умеренной, но постоянной деятельности, наконец от спокойной, порядочной семейственной жизни. Почему бы этому не исполниться? Проведя три года в путешествии, в свободе самой неограниченной, возвращусь домой, начну трудиться, трудом получать свое пропитание и вместе удовольствие; чтение, садоводство и — если бы дал Бог — общество верного друга или верной жены будут моим отдохновением. Иногда, в положенное время, буду ездить в Москву, если не переселюсь в нее совершенно, для свидания с знакомыми или для дел своих и проч. Избави меня, Боже, от больших несчастий, и я не буду искать большого счастья! Спокойная, невинная жизнь, занятия, для меня и для других полезные или приятные, дружба, искренняя привязанность к моим ближним друзьям и, наконец, если бы было можно, удовольствие некоторых умеренных благодеяний — вот все мои требования от Провидения!

§ 4. Каков я? Что во мне хорошего? Что худого? Что сделано обстоятельствами? Что природою? Что можно приобрести и как? Что должно исправить и как? Чего не можно ни приобрести, ни исправить (то есть, есть ли что во мне такое)? Какое счастье мне возможно по моему характеру? Вот вопросы, на решение которых должно употребить несколько (много) времени. Они будут решаемы мало-помалу, во всё продолжение моего журнала.

§ 5. *1 июля 1805, вечером.* Я нынче в каком-то приятно-унылом расположении. Не думая ни о чем, задумчив. Мне приятно было смотреть на отдаления, покрытые вечернею тенью. Эта неясность и отдаленность всегда имеет трогательное влияние на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвестную, но не совсем незнакомую. Какое-то тайное предчувствие говорит о ней и обнаруживает ее неясвенно за прозрачным занавесом¹. Ничего не может быть приятнее этих трогательных минут, когда сердце полно — чем? не знаешь! Всё тогда действует на тебя гораздо живее. Глядишь с чувством на небо; хотел бы всякую минуту броситься на колена! Любишь Бога, то есть сильно Его чувствуешь. В минуту счастья и внутреннего наслаждения, которое одно может назваться счастьем, находишь себя гораздо добрее, готовее на всё прекрасное и необыкновенное. Вспоминаешь о прошедшем с некоторою сладкою меланхолией. Жизнь представляется в самом привлекательном виде, потому что сильно ее чувствуешь; все почти предметы приятны, потому что наша чувствительность, в ту минуту слишком наполняющая сердце, на них изливается и украшает их в глазах наших. Всё изменяется вместе с нами: всё прекрасно, когда наша душа в своем натуральном расположении, довольна и спокойна; всё мрачно и неприятно, когда душа наша в волнении, в борьбе с собою, в неудовольствии. Счастье не иное что, как сие тихое, ясное состояние наше, продолженное на всю жизнь или по крайней мере на большую часть жизни. Итак, оно не